

ПРАЗДНИКИ И ПРАЗДНОСТЬ

УДК 394.2+396

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/278-291

Научная статья

© Е. Ф. Фурсова, М. В. Васеха

ЖЕНСКАЯ И ДЕВИЧЬЯ ПРАЗДНОСТЬ В ТРАДИЦИОННОМ КАЛЕНДАРЕ СИБИРИ И ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цель статьи проанализировать трансформации структуры и содержания женских праздничных дней на протяжении XX в.: от досоветского традиционного календаря, ориентированного на духовные ценности православия и этнических традиций, до завершения советского периода с его установившейся праздничной системой, претерпевшей существенные изменения в наши дни. Авторы делают попытку найти корреляции между количеством и содержанием женских праздников (свободных от работы дней) в разные периоды XX–XXI вв. и социальным положением русских женщин в обществе и семье. Особое внимание уделяется рассказам информантов о причинах праздности, а также удовлетворенности самих женщин сокращением / увеличением количества «своих» праздничных дней и сменой содержания досуга. Основу исследования составили авторские полевые материалы, собранные в 1990–2000-х гг. в селах Западной и Восточной Сибири. Авторы статьи прибегают к классическим научным методам описания, качественному анализу нарративного интервью, сравнительному методу с целью выделения общего и различного в типологии и содержании женских праздников разных этнокультурных групп русских Сибири. Если в традиционной культуре «праздность» была важнейшим содержанием женского праздника, то в советский период, как и в настоящее время этому критерию соответствует официально нерабочий день — Международный женский день 8 марта. В традиционном обществе освобождение женщин от повседневного труда трактовалось не как дань их особому статусу (как жене, матери и пр.), но объяснялось желанием избежать возможного негатива для всего общества из-за несоблюдения запретов на «женский» труд в определенные дни. Таким образом, выбора работать или не работать для женщины не было. «Праздность», понимавшаяся как осознанное избегание выполнения женских

Фурсова Елена Федоровна — д. и. н., главный научный сотрудник, зав. отделом этнографии, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Российская Федерация, 630090 Новосибирск, пр. академика Лаврентьева, 17). Эл. почта: mf11@mail.ru

Васеха Мария Владимировна — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: maria.vasekha@gmail.com

*Исследование выполнено в рамках НИР ИАЭТ СО РАН НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0003 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика» и НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования городской и сельской повседневности: историко-антропологическая перспектива».

работ категории «грязных», сама по себе воспринималась как праздник. Анализ этнографических материалов показал различия праздности женских и девичьих праздников в традиционной культуре. Во время праздничных «девичьих дней» девушки освобождались от домашних и сельскохозяйственных работ, но исполняли большое количество обрядов со значительной фольклорной составляющей, осуществляли гадальные практики. В исследовании учитывалось многообразие этнокультурных групп русских и локальных сибирских вариантов праздников. Фактологический материал дает основание предполагать, что, возможно, в традиционных женских и девичьих праздниках сохранились в пережиточном виде элементы такого социального института как «женские союзы», различные формы которых вновь актуализировались в постсоветский период.

Ключевые слова: праздник, женская и девичья праздность, пятница, советские трансформации и эволюции, XX–XXI вв., женские исследования

Ссылка при цитировании: Фурсова Е. Ф., Васеха М. В. Женская и девичья праздность в традиционном календаре Сибири и ее альтернативы в советском общественном пространстве // Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 278–291.

UDC: 394.2+396

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/278-291

Original article

© Elena Fursova and Mariya Vasekha

WOMEN'S AND GIRLS' LEISURE DAYS IN THE TRADITIONAL CALENDAR AND ITS ALTERNATIVES IN THE SOVIET PUBLIC SPACE

This article aims to analyze the transformation in the structure of women's holidays throughout the 20th century, from the pre-Soviet calendar focused on the values of Orthodoxy and ethnic traditions to the Soviet holiday system and the present day. The authors attempt to find correlations between the number and content of women's days off from work in different periods of the 20th — 21st centuries and the social status of Russian women. Particular attention is paid to informants' stories when they explain the reasons for idleness, speak about their satisfaction from the increase or decrease in the number of days off and changes in leisure activities. The study is based on ethnographic field materials collected in the 1990–2000s in the villages of Western and Eastern Siberia. The authors of the article apply classical scientific methods of description, qualitative analysis of narrative interviews, and comparative method in order to identify common and different features in the typology and content of women's holidays among different groups of Russians in Siberia. In traditional culture, "idleness" was the most important aspect of a women's holiday. However, in the Soviet period and now, this criterion only corresponds to an officially non-working day: International Women's Day on March, 8. In traditional societies, the liberation of women from everyday work was not interpreted as a tribute to their special status (as wives or mothers), but rather as a way to avoid possible negativity for the entire community due to noncompliance with prohibitions on "women's work" on certain days. Thus, women invariably could not work on such days. "Idleness," or the conscious avoidance of "dirty" women's work, was

perceived as a holiday in itself. The analysis of ethnographic materials revealed differences in women's and girls' holidays in traditional culture. During festive "maiden days," girls were exempt from housework and agricultural tasks but performed numerous rituals with significant folkloric elements and engaged in fortune-telling practices. The study considered the diversity of Russian and local Siberian ethno-cultural groups and their holiday traditions.

Keywords: *holiday calendar, women's holiday, women's and girls' idleness, Friday, Soviet modernization, March 8, women's studies*

Authors Info: **Fursova, Elena F.** — Dr. of History, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mf11@mail.ru

Vasekha, Mariya V. — Ph.D. in History, Chief Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: maria.vasekha@gmail.com

For citation: Fursova, E. F., and M. V. Vasekha. 2025. Women's and Girls' Leisure Days in the Traditional Calendar and its Alternatives in the Soviet Public Space. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 278–291.

Funding: The study was carried out as a part of the research plans of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Institute of Archaeology and Ethnography and the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Женская праздность в традиционном календаре (на сибирских этнографических материалах)

На рубеже XIX — начала XX в. преобладающей частью населения Российской империи было крестьянство, в связи с чем можно говорить о том, что в рамках описываемой праздничной календарной культуры жили около 90% женщин страны. Праздничные дни календаря отражали мировоззрение земледельцев, сознание которых основывалось на православном миропонимании и дохристианских религиозных обычаях. Праздничных дней в традиционном календаре русских Сибири, в которых бы звучала «женская тема», было немало. Условно эти дни можно разделить на «девичьи» и «женские» или смешанные, «девичьи-женские». Для праздничных «женских» дней было характерно освобождение от повседневных «грязных» работ (приготовление пищи относилось к «чистым» работам). «Грязными» работами считались женские работы, связанные с устранением загрязнений: мытье полов, стирка, прядение (летела кострика, пух) и пр. Важно отметить, что отсутствовал обычай дарить женщинам в такие «женские праздники» цветы или подарки.

Согласно полевым материалам, женскими днями считались еженедельные **пятницы**, которые сопровождались исполнением многих запретов на женские работы, в основе своей относившихся к «грязным». По пятницам крестьянки ни в коем случае не пользовались веретеном и прялкой, т. е. существовал запрет на эти типично женские работы, которые они выполняли с 6–7 лет и вплоть до смерти. Информант А. Л. Морозова вспоминала: «Ранее в пятницу не давали ни шить, ни иголки брать, ни стираться...» (1911 г. р., д. Чернокурья Карасукского района Новосибирской обл., ПМА 1991).

В процессе полевых исследований часто приходилось слышать от сибирячек мнение о том, что не пряли по пятницам из-за боязни «греха». Среди российских переселенок столыпинского периода в начале XX в. в основе праздности по пятницам и, дополнительно, средам лежали христианские мотивы. Как поясняли пожилые информанты, «в среду Христа предали, в пятницу его распинали». Зафиксированы также и другие различные варианты объяснения запретов на грязные работы. Старообрядки верховьев рр. Тары, Тартаса (притоков Оми) из поколения в поколение передавали рассказ, объяснявший, почему нельзя стирать по пятницам (кое-где еще и по средам). В детстве сибирячка А. Н. Шмакова (1906 г. р.) слыхала от пожилой старообрядки поморского согласия поучительную историю, которую запомнила «на всю жизнь и затем пересказывала другим бабам»:

«Соседка говорит: «Мотя, приди домой и скажи своей маме, чтоб в пятницу рубашки никогда не стирала». Мне интересно. Она: «Помер Господь и вот чичас он плачет. Как в пятницу стираются — так он плачет. Зачем вы мне заливаете глаза?» И я теперь хоть бы раз постиралась в пятницу!» (д. Меньшиково Венгеровского р-на Новосибирской обл., ПМА 1996).

Полевые работы и работа в огороде к категории «грязных» не относились, ими могли заниматься по пятницам. Так, к Троице была приурочена высадка ряда сельскохозяйственных культур, но не в сам праздник, а в наиболее благоприятные постные дни накануне праздника — среду и пятницу. Некоторые информанты до недавнего времени были убеждены, что капусте, брюкве, огурцам, таким образом, обеспечивается урожайность и защита от вредителей, болезней.

В среде чалдонок и старообрядок Приобья особо почитали праздностью Ильинскую пятницу — пятницу накануне Ильина дня — 2 августа по новому стилю (ПМА 1991). Д. К. Зеленин связывал эти запреты с древними поверьями народов Восточной Европы в женского демона Пятницы, боязнью нанести ему вред острыми предметами (Зеленин 1915: 14). Образ Параскевы Пятницы, считавшейся покровительницей женских работ (Громыко 1986: 127), ассоциировался не только со днем памяти этой святой (28 октября н. ст.), но со всеми пятничными днями (около 52 в году), особенно с т. н. «двенадцатью пятницами» (12 особо почитаемых славянами пятниц на основе апокрифа «Сказание о двенадцати пятницах») (Фурсова 1998а; Фурсова 1998б: 104; Фурсова 2003: 169). Среди кержаков Барбы весьма распространены поучительные истории из жизни о нарушениях трудовых запретов в Ильинскую пятницу:

«Одни сметали стог сена, сидят. Сорока прилетела, нахмурилась. Потом с головёшкой к ней привязана прилетела и стог спалила» (А. В. Журавлева, 1902 г. р., д. Верх-Красноярка Северного р-на НСО, ПМА 1994).

Таким образом, девушки и женщины по традиции каждую неделю имели гарантированный отдых от «грязных» работ по пятницам. Праздность даже было принято демонстрировать выходом «на заваленку» или на лавочки у своего дома на глазах у всего села.

Тем не менее, такие повседневные дела как приготовление пищи и работа на земле (например, в огороде) не считались «грязными» и продолжали выполняться по пятницам. За соблюдением запретов на грязные женские работы следили не только сами женщины, но и старшие мужчины в семье, считавшие, что их нарушение может навлечь беду.

На Покров (Покров Пресвятой Богородицы, 14 октября по н. ст.) пожилые информаторы в полевые сезоны 1980–1990-х гг. вспоминали, что в условиях единоличного хозяйствования в этот день не делали «поганой» (грязной) работы (Е. С. Кузнецова, 1918 г. р., д. Кайлы Мошковского р-на НСО, ПМА 1999; инф. А. П. Саенко, 1923 г. р., д. Иткуль Чулымского р-на НСО, ПМА 2001). В ряде местностей селяне свидетельствовали, что многие, особенно женщины, помнили об этом большом церковном празднике в годы организации и существования колхозов и позднее, однако праздновать, т. е. не работать, они не могли, поскольку он выпадал на уборочную страду. Труд на общественных работах в колхозах не рассматривался как грех, а считался подневольным. Накануне праздника Покрова матери и бабушки советовали девушкам загадывать на женихов, которые будто бы накануне могли присниться.

В другие праздники, например, такие общие женские и девичьи, как **Благовещение** отменялись не только все виды работ, которые относились к «грязным», прядение, ткачество, стирка и пр., но и запрещалось расчесывать волосы, варить еду, так что приходилось все готовить впрок с вечера. В народных преданиях, записанных в ходе многолетних экспедиций, упор все же делался на девушках, а именно, категории «непослушных». Пойдя вопреки указаниям родителей не работать в этот день девушки начинали прядь и превращались в «не-людей» (кукушку, русалку), то есть существ, связанных с иным миром. Подобных случаев в отношении замужних женщин не фиксируется, возможно, потому, что они уже жили не своей «волей», а мужа и не демонстрировали свое волеизъявление. Для женщин был актуален благовещенский запрет на половую жизнь: «грех сотворил муж с женой — тот, кто родится будет или калекой, или утопленник, или убийца» (Болонев 1978: 71).

Девичьи праздники количественно преобладали над женскими, они более богато были представлены в обычаях, обрядах, фольклоре. Обратимся к полевым материалам по Западной и Восточной Сибири, которые позволяют раскрыть картину не только общерусских или общесибирских, но и локальных обычаем. Законную праздность в весенне-летние праздники девушки использовали для того, чтобы узнать о своем будущем, о сроках выхода замуж, вероятном женихе, его внешнем виде и характеристиках. У семейских Забайкалья¹, помимо гаданий, на летние праздники было принято уделять внимание девушкам со стороны юношей необычным для нас, современников, способом.

«В Куйтуне, Большом Куналее был обычай отбирать в летние праздники до Ильина дня у девушек платки, бусы «янтарьки», которые те должны были откупить (т. е. выкупить) салом и яйцами. Умный жених ничего не просил — снимал и так отдавал» (Болонев 1978: 103).

Из контекста очевидно, что этот обычай выявлял симпатии сельских девушек и юношей, служил поводом для общения и дальнейшего сватовства.

Девушки активно принимали участие в **Троице** — празднике преддверия лета, что, по мнению исследователей, в русской традиции семантически соотносилось с молодостью (Бернштам 1988: 235). Селянки группами удалялись в березовую рощу, куда брали с собой обрядовые угощения, с которых начинали трапезу: «пощеница» пареная с сахаром, изюмом («кутья»), блины, вареные яйца (Т. А. Клочкива, 1924 г. р., д. Верх-Красноярка Северного р-на НСО, ПМА 1994). В рощах девушки жарили на

¹ Старообрядцы-семейские — этнографическая группа русского народа, потомки высланных Екатериной II в Забайкалье в середине XVIII в. крестьян (при разделе Речи Посполитой). Название получили по причине того, что переселялись семьями.

больших сковородах яичницу. Во время совместной трапезы устанавливались отношения «кумовства»: это выглядело как обмен подарками в виде символа девичества и девичьей «воли» — ленты, а также платки. Записаны различные варианты кумления — это и целование кумушек через венок, и пожимание друг у друга рук. Считалось, что кумушками девушки становились на всю жизнь, и сохраняли особые отношения кумовства и в замужнем статусе. Весело проходил момент коллективного сбора угощений накануне Троицы в субботу, когда девушки ходили «цыганить» в наряженном виде: «старухи», травести, «цыганки» (А. Ф. Лавришева, 1913 г. р., д. Манино Венгеровского р-на НСО, ПМА 2003). Не считалось предосудительным также воровство: пока одни девушки выпрашивали подаяние на троицкие гуляния, другие «по пригонам, по гнездам бегали, где куры несутся». В 1920-х гг., когда согласно народным православным обычаям, после совместной трапезы молодежные компании шли в березовую рощу, где молодые гуляли по лесу, водили хороводы и пели песни (О. К. Кыштымова, 1913 г. р., с. Верх-Красноярка Северного р-на НСО, ПМА 1994).

У старообрядцев-семейских девушки ходили на Троицу в березовую рощу к «светлому» ключику и рубили молодую березу. Наряжали ее лесными цветами («жарками», т. е. огоньками). Закончив украшение березы, на костре жарили «яишину» и трапезничали с принесенным угощением. После трапезы девушки несли нарядную березу на ночь домой, а на следующий день, ближе к обеду, ее с почетом проносили по деревне к реке. Прежде, чем топить березку в реке, ее «разнаряжали», т. е. убирали жарки:

«Домой принесём, на веранде в ведро воды поставим, чтоб не свяла за ночь.
Еще больше нарядим, браво. А на завтрева, в Духов день, где-то в обед, за-
пываем на посерёд Чикоя и опускаем её» (Р. М. Овчинникова, 1941 г. р., с.
Нижний Нарым Красночикойского р-на Забайкальской обл., ПМА 2010).

Можно еще добавить, что, в отличие от западносибирских крестьянок, белорусских и украинских переселенок Сибири, семейские девушки не плели троицких венков, но прикрепляли цветы к головному убору и сарафану. В 1950-х — 1960-х гг. в коллективах девушек присутствовали и парни, особенно желанными были умельцы играть на музыкальных инструментах (баянах, гармошках, балалайках).

Праздность троицких праздничных дней включала манифестацию «девичьей воли» перед замужеством и дальнейшей жизнью взрослой женщины. Исследователи обычно выделяют обрядовую суть Троицы, однако для исследуемого периода это были еще, несомненно, и праздничные дни беззаботного периода жизни девушки, включавшие судьбоносные гадальные практики (завивание венков, бросание венков в воду).

Праздник Ивана Купалы. В Западной Сибири кульминацией праздника Ивана Купалы, как называли день памяти Св. Иоанна Крестителя 7 июля по н. ст., праздность проявлялась в отказе от «грязной работы» и выражалась в веселых обливаниях водой людей на улицах. Девушки становились главным объектом обливаний, именно за ними подростки и парни охотились с ведрами воды (в меньшей степени, но обливали всех людей с их разрешения). Есть много свидетельств, что купать стремились в первую очередь молодых девушек («Пожилых-то на чё?») (П. Л. Баранова, 1920 г. р., д. Ключевая Венгеровского р-на НСО, ПМА 1993; К. А. Никитина, 1915 г. р., д. Иткуль Чулымского р-на НСО, ПМА 2001). Пожилые информанты-куряне утверждали, что в Купальский день у них в селе, бывало, «всех девчат перемоют» (Фурсова 2003: 57). У старообрядцев Васюганья отмечали праздник Купалы

массовыми купаниями и гуляниями на берегу рек Тары или Тартаса во всех деревнях. Для местной традиции было скорее характерно не обливание, а сбрасывание в реку девушек и молодых женщин. Подобный обычай сохранялся также в годы колхозного строительства и до недавнего времени (*Васеха 2022*).

Петров день, т. е. праздник Свв. ап. Петра и Павла (12 июля по н. ст.), считался последним летним «девичьим» праздником (*Болонев 1978: 86*), однако, сведений о конкретных формах праздности сохранилось немного и, в основном, у российских переселенок начала XX в. Фактологический материал дает основания считать Петровку смешенным, девичьим и женским праздником. Российские переселенки конца XIX — начала XX в. устраивали коллективное гуляние женщин «на Петровку» в доме одной из участниц. Предварительно в русско-украинских деревнях наиболее «знающие» женщины обходили с корзинами дома односельчан, собирая куриные яйца, что называлось «наставлять Петровку». Петровские гуляния в Кайлинской волости Томского у. и губ. собирали только замужних женщин, которые могли брать с собой малых детей, девушки гуляли отдельно (ПМА 1999). Белорусские девушки Верхне-Тарской волости Каинского уезда приурочивали к Петрову дню троицкий обычай «кумиться» и гадать с венками (Л. И. Дребянцева, 1924 г. р., д. Надеждинка Северного р-на НСО, ПМА 1994). В д. Надеждинке взрослые, на выданье, девушки предварительно приносили в один из домов яйца, собрав их к Петровкам в общую кучу. В праздник жарили «яишинцу», пекли блины «на яйцах», пироги из поспевавшей к этим срокам земляники. Затем садились вместе за стол и съедали приготовленное, что и называлось «кумиться» (Л. И. Дребянцева, 1924 г. р., д. Надеждинка Северного р-на НСО, ПМА 1994). Все девушки готовили к праздничному застолью новые наряды; трапеза сопровождалась исполнением песен, танцами. Характерно, что белорусские обычай сохранили архаичные элементы в виде «избегания» местных юношей, которых не допускали на подобный «девичник». Если последним силой удавалось ворваться, девушки разбегались врассыпную (*Фурсова 2003: 76*). Аналогичным образом выходцы из Черниговской губернии и их потомки в первом поколении кумились не на Троицу, а в Петров день. Принимали участие и девушки, и женщины, которые во время сенокоса целовались через платочки (Л. Д. Холомейдо, 1940 г. р., д. Кайлы Мошковского р-на НСО, ПМА 1999).

Семейские старообрядцы по р. Чикою (д. Качен, офиц. Архангельское) считали «девичьим» праздником **Михайлов день**, который являлся долгожданным отдыхом после всех полевых сельскохозяйственных работ. Зафиксированы упоминания о Михайлове дне, который был и престольным, и девичьим праздником в с. Фомичево Красночикойского района Забайкальского края. Приведем на эту тему полевую запись Ф. Ф. Болонева:

«Девки откупали дом у одиноких женщин в ночь на Михайлов день и гуляли с парнями всю ночь. Девки стряпали, а ребята водку справляли. Парни со знакомыми девками разговоры вели, песни пели, водили хороводы — «Сидит Дрёма». Исполняли также песню «Талину», в которой девушка на выданье просит «государя, родимого батюшку» не отдавать ее замуж за старого мужа. Девушка поет отдать ее за “ровношку”» (*Болонев 1978: 103*).

Эти собрания можно рассматривать как разновидность «посиделок».

Таким образом, важным лейтмотивом практически всех женских праздников традиционного календаря была идея «праздности» — запрета на выполнение женских

работ, относившихся к категории «грязных». При этом работы, связанные с повседневным обслуживанием жизни семьи, например, приготовление пищи, в женские дни не отменялись. Девичья праздность была дополнены обычаями демонстрации «девичей воли» (до перехода под «волю» мужа), совместными гуляниями и ритуальными трапезами, обрядами девичьего «кумления», общения с потенциальными женихами, гаданиям о будущей судьбе. Пожалуй, ни один традиционный календарный женский праздник не подразумевал внимательного отношения к женщинам и, тем более, дарения подарков или цветов. Цветы являлись лишь необходимым атрибутом гаданий и украшений и собирались самими девушками. Символические преподнесения подарков девушкам со стороны парней (например, ленты или платочка) были связаны с демонстрацией симпатий в брачный период жизни.

Женская праздность в советский и постсоветский периоды

В советский период истории нашей страны мы можем говорить, пожалуй, только об одном «женском» празднике в году — 8 марта (прошедшем длинную ценностную и смысловую эволюцию от Международного женского коммунистического праздника до праздника «гендерного», когда в российском обществе принято исполнять ритуалы внимания ко всем женщинам от мала до велика). В начале XXI в. помимо этого праздника появилось множество «женских» дней, чаще всего учрежденных ООН, с целью привлечения внимания к различным проблемам женщин и девочек, например, «Международный день женщин в науке» (11 февраля), которые не содержат никаких сопутствующих традиций и ритуалов отмечания, а потому не имеющих особого влияния на общество.

Принято считать, что инициатива «один день в году — 8 Марта, сделать днем смотра сил женщин-работниц, готовых бороться за дело освобождения работниц» (Крупская 1928: 8) была вынесена Кларой Цеткин на 2-ой Международной конференции женщин-социалисток в Копенгагене в 1910 г. Цеткин предполагала с помощью этой акции проводить широкую агитацию за женское избирательное право. В новом молодом государстве этот праздник впервые учредили в 1923 г. постановлением ВЦИК от 23 января 1923 г. Целью внедрения праздника стала дополнительная возможность пропаганды и вовлечения женщин в деятельность государственных структур, а также продвижение идей «раскрепощения» женщины из-под домашнего гнета — «самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства» (Крупская 1928: 8). Анализ материалов печати (пресса, методические пособия, выпущенные в 1920-х гг. к празднику) показал, что проведение действительно массового празднования «8 Марта» на территории всей страны впервые состоялось в 1925 г. До этого новый праздник отмечался локально женскими активистками и партийцами. В период 1920-х гг. сценарии празднования 8 марта чаще всего сводились к заседаниям и выступлениям женактивисток, организацией образовательных экскурсий для общественниц, то есть мероприятий, направленных на всяческое вовлечение женщин в общественную работу. Сразу стоит отметить, что День 8 марта в это время был не столько праздником, а поводом для проведения общественно-политических мероприятий среди очень узкого круга женщин, вовлеченных в советскую работу.

Внедрение нового «праздника женщин» шло со сложностями. Если задача ме-

роприятия в целом была ясна — «пробуждение сознания широких женских масс <...>, а через него втянуть их в общественную работу», то механизмы празднования были не понятны. Для этого Отдел работниц ЦК ВКП(б), Главполитпросвет и другие органы агитации в 1925–1926 гг. начали выпускать массу методических пособий, практических материалов и справочников к «Международному женскому коммунистическому дню» (8 марта. Сборник; *Ленин* 1924; *Фогель* 1928; *Шамурина* 1926 и др.). Помимо продвижения идей «женского вопроса» и даже некоторых общегосударственных задач, методисты настаивали на внедрении элементов «самодеятельности» — пения песен и частушек, постановки пьес (сценарии прилагались). Основная идея всех сценариев сводилась к «освобождению» женщины из-под «домашнего гнета», под которым подразумевался «старый быт» в лице родителей с традиционными установками на жизнь, свёкровь и мужа-угнетателя. В этих сценариях обрисовывались новые паттерны поведения «советской женщины» — женщина обычно порывала с «темным прошлым» и уходила в город учиться и работать на фабрику или же служить людям в рядах представителей новой власти, а также могла сама выбрать нового мужа — из «красных», бедного, но активного и с «правильной» жизненной позицией и принятием женщины «как равного».

Празднование «8 Марта» в деревне сопровождалось рядом трудностей, связанных как с крайне невысокой женской активностью в деревне, так и недостатком оргкадров. В связи с этими сложностями, основную работу по организации, проведению и популяризации этого праздника в сельской местности возложили на избы-читальни и их работников — избачей. Именно для избачей в первые годы проведения «8 Марта» были выпущены методические пособия с разъяснением целей и задач мероприятия, примерные сценарные планы и рекомендации (8 Марта в избе-читальне 1925). Американская исследовательница М. Бакли писала, что «женский день» стал одним из составляющих мифа о социальном равенстве и статусе советской женщины, который стал «навязываемой реальностью, тогда как аспекты реальности игнорировались».

Важно отметить, что параллельно с «советской» культурной действительностью вплоть до Великой Отечественной войны (и даже отчасти и после нее) продолжала существовать традиционная праздничная культура (Васеха 2015). В том числе старались дома придерживаться традиционных женских праздных дней, которые, конечно же, стали уменьшаться в количестве из-за появления колхозов и колхозной жизни без «выходных и проходных» дней. Интенсивная работа в советских коллективных хозяйствах уже не позволяла иметь крестьянкам такое большое количество праздных женских дней. Приходилось выполнять грязные работы не только по пятницам, но и в воскресные дни. Особенно цинично боролись с религией и «предрассудками», назначая в «большие» церковные праздники (Пасха, Троица и пр.) особо грязные, запрещаемые к выполнению церковью, работы для работниц и колхозниц. «Когда доярками работали, то коров подоим и тады Троицу отметим. А счас все отменили» (Фурсова 2003: 45, 202).

Вообще тема женского досуга и отдыха сельчанок в середине XX в. все еще слабо изучена. Существует немало работ о женской повседневности горожанок, в которых отмечается высокая степень загруженности женщин на работе и дома, а также на общественных работах. Исследовательница И. Богдашина отмечала, что низкий уровень развития социально-бытовой сферы и бедность культурно-досугу

говых предложений нестоличных городов в 1950–1960-е гг. не оставляли женщинам возможности находить время для «праздного» отдыха (Богдашина 2022: 158–159).

Если проанализировать периодику в разные периоды СССР, то можно увидеть любопытные трансформации содержания праздника 8 марта для народных масс. Так, например, в важном для трансляции советской идеологии детском журнале «Мурзилка» (который, как раз и воспитывал «нового советского гражданина» и задавал новые паттерны поведения), начиная с 1926 г. на обложках мартовских номеров стали появляться более отчетливо темы «женского» дня. В первое десятилетие советской власти месседж был с позиции «Международного дня работниц», а художники, в свою очередь, еще только нашупывали изобразительные средства и образы для визуального воплощения нового «женского» праздника. Например, изображались девочки-дошкольницы, в красных платках, по-пролетарски завязанных назад, где они неуклюже выполняют «тиปично женские» дела по дому — готовку на дровяной печи и стирку в тазу (1926 г. № 3.) или, например, на обложке 1927 г. изображен игрушечный возница, который везет двух кукол работниц-активисток в красных косынках и с журналом «Работница» под мышкой, вероятно, на маевку (1927 г., № 3, *Rис. 1*).

Анализ периодики 1930-х гг., в особенности обложек журналов показал, что в этот период праздник 8 марта в СМИ не особенно артикулировался для народных масс. О необходимости специально продвигать идею «женского» дня вспомнили после Отечественной войны (*Рис. 2*). Постепенно смысловая нагрузка сместилась с женактивисток в красных платках на всех советских женщин. Смещение смыслового фокуса праздника 8 марта с работающих женщин и женщин-общественниц на жен и матерей, а также любимых учительниц начался в 1950-х гг., в послевоенный период шла постепенная деполитизация этого праздника. В 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Международный женский день стал нерабочим днем.

Таким образом, единственный «женский» день советского праздничного календаря становился тем самым «праздным» женским днем. К тому же примерно с начала 1950-х гг. в

Рис. 1. Обложка журнала «Мурзилка», 1927 г. Архив авторов

постепенно сместилась с женактивисток в красных платках на всех советских женщин. Смещение смыслового фокуса праздника 8 марта с работающих женщин и женщин-общественниц на жен и матерей, а также любимых учительниц начался в 1950-х гг., в послевоенный период шла постепенная деполитизация этого праздника. В 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Международный женский день стал нерабочим днем.

Рис. 2. Поздравительная открытка, 1946 г. Архив авторов

конструируемые паттерны поведения советского человека был добавлен домашний сценарий празднования 8 марта, когда дети, а чуть позже и мужья в этот день делали маме «сюрприз» — выполняли часть ежедневной женской рутинной работы — готовили завтрак, накрывали на стол, пылесосили, мыли посуду и пр. Этот паттерн празднования «женского» дня активно продвигался в СМИ: выходили журналы с тематическими обложками, стихи, рассказы, комиксы в детских периодических изданиях. Даже появилась шутка «Молчи женщина, твой день 8 марта!», хоть и с долей юмора, но раскрывавшая истинное положение женщин в СССР. Получив «двойную нагрузку» — полноценный рабочий день и «вторую смену» дома (а зачастую еще и неоплачиваемую «общественную» нагрузку) в советский период у женщин был по сути один официальный условно «праздный» день — 8 марта. Ни пятниц, когда была «запрещена» грязная работа, ни других «женских» дней в СССР не существовало. Даже в официальный выходной — воскресенье женщины старались компенсировать недостаток времени на рабочей неделе на дела семьи и быта. Обычно именно по воскресеньям они делали домашние дела, требующие времени и сил — стирали, мыли дом, готовили еду и делали ее заготовки на следующую неделю.

В годы существования СССР праздник женской солидарности 8 марта не называли «гендерным», в личных открытках и поздравлениях 1960-х гг. звучали темы благопожеланий как на Новый год («счастья, здоровья и успехов в труде»). В открытках 1970-х гг., которыми мужья и сыновья поздравляли мам, дочерей и сестер, появились добавки в виде лирических отступлений («чтобы Ваши мужчины вас никогда не огорчали») и наметился уклон в сторону праздника Весны. В союзных республиках выпускали открытки с изображениями женщин в национальных костюмах и надписями на национальных языках (например, укр. «З святом Восьмого Березня!»). Впоследствии 8 марта рассматривали как праздник женам, материю, любимым спутницам, женщинам-коллегам. Сегодня этот праздник входит в список ООН и является официально нерабочим днем в России. В постсоветской России в русле глобалистских направлений появились конкретные дни выражения благодарности женщинам, т. н. «гендерные» праздники: материю (День матери в последнее воскресенье ноября), женщинам в науке — Международный день женщин и девочек в науке (11 февраля), Международный день девочек (11 октября), Международный день сельских женщин (15 октября) и т. д. Сюда можно добавить праздники Русской православной церкви, такие как третья воскресенье пасхального цикла — День памяти жён-мироносиц (даты меняются в связи с пасхалией) и др., отмечание которых актуально для воцерковленной части российского общества.

Постепенно трансформировавшийся на протяжении XX — начала XXI в., пожалуй, единственный советский праздник, оставшийся после краха СССР и полюбившийся россиянам, праздник «8 Марта» на протяжении советского периода обслуживал интересы текущей гендерной политики государства, попутно освобождаясь от политической «нагрузки», а в постсоветский период органично встроился в систему потребления современного общества, совершенно потеряв изначальную политическую составляющую.

К выводам.

Трансформации структуры и содержания женских праздничных дней

Если говорить о «запретах» на женские работы, то они сегодня отчасти актуальны в воцерковленных православных семьях, например, на Рождество, Благовещение, Пасху и пр. Как показывает анализ русского культурного наследия, во второй половине XIX — начале XX в. девичьих и женских праздников было значительно больше (примерно 60), если их понимать, как «праздное», т. е. свободное от дел время. Таким образом, женщины в ходе ускоренной советской модернизации лишились не только всех своих «традиционных» праздничных дней (запрет на «грязные» женские работы), но и получили «двойную нагрузку» — полноценный рабочий день и весь комплекс домашних работ. Для того, чтобы успеть выполнить работы «второй смены» дома, советские женщины занимались тяжелыми работами по хозяйству по воскресеньям, часто в свой единственный нерабочий день (убирали дом, мыли полы, стирали и пр.). Эгалитаризма распределения домашних работ между мужем и женой не получилось ни в советский период, ни в постсоветский, ни в современный период жизни России. Так, исследовательский холдинг «Ромир» в 2018 г. провел исследование, как распределяются домашние обязанности в российских семьях, и выяснилось, что современные россиянки по-прежнему выполняют большую часть работы по дому, мужчины чаще всего называли «своими» домашними обязанностями вынос мусора и обслуживание автомобиля (Россиянки до сих пор 2018). Таким образом, выявленное в досоветский период гораздо большее количество женских праздничных дней (с требованиями их строгого соблюдения) по сравнению с советским и даже современным периодом, заставляет по-новому взглянуть на тезис о «тяжелой крестьянской женской доле».

Для полномасштабного внедрения атеистического сознания в массы органы Советской власти «по делам религий» разработали новый календарь праздников. Например, в «Расчетных книжках» (изд. «Вопросы труда», 1926 г.) в характерных для тех времен жестких выражениях «строго воспрещалось работать» в следующие дни: 1 января — Новый год, 22 января — день памяти жертв 9 января 1905 г., 12 марта — День низвержения самодержавия, 18 марта — День Парижской Коммуны, 1 мая — День Интернационала, 6 июля — День образования Союза ССР, 7 ноября — День пролетарской революции. В итоге получалось 7 праздничных дней в году, что было во много раз меньше дореволюционных официальных праздников и не включало ни одного женского. Тем не менее, в период полевых этнографических работ пожилые люди, юность которых пришлась на 1910–1920-е гг., еще вспоминали о традиционных женских праздниках, «праздность» которых была их важнейшим содержанием. В традиционном сельском обществе дореволюционной России освобождение женщин от повседневного труда трактовалось не как дань их особому статусу (в семье, как матери и пр.), но объяснялось желанием избежать возможного негатива, а именно, навлечь беду в случае неисполнения запретов. Показательно, что, начиная с атеистической кампании 1960-х гг. работники культуры тоже включили в празднование дня 8 марта освобождение женщин от домашних дел, но вкладывали в это иное содержание. Советская пропаганда поручала делать женские работы мужской половине семьи и детям, что официально представлялось как «помощь маме». Очевидно, что эта помошь оказывалась **один раз** в год, но она пропагандировалась средствами массовой информации и даже детскими писателями, поэтами, композиторами (например, песня «Сегодня мамин праздник», муз. А. Филиппенко, сл. Т. Волгиной).

Традиционная праздность также исключала домашние работы для девушек на выданье. Здесь включалось большое количество обрядов, гадальных практик, гуляний со значительной фольклорной составляющей. В это время девушкам, пока еще не обремененным домашними обязанностями, предоставлялась свобода, общение с односельчанами, предполагаемыми женихами. Особое значение имели троицкие обычаи и обряды, которые проясняли будущее («хорошее» или «плохое»), а также вводили статус духовных подружек—«кумушек» как «поддержки на всю жизнь». Сохранение и переосмысление отдельных элементов девичьих праздников наблюдалось в советских школах, начиная с 1960-х гг.: дарение подарков, поздравления со стороны мальчиков — детей, подростков и юношей. Такое внимание со стороны одноклассников, конечно, было малой толикой прежнего богатства традиций. Женские праздники в качестве официально нерабочих дней до настоящего времени сохранились только в качестве Международного дня 8 марта, который никоим образом не компенсирует порядка шестидесяти праздных женских дней периода русской традиционной культуры.

Источники и материалы

8 Марта 1925 в избе-читальне — «8 Марта» в избе-читальне. Л., 1925. 72 с.

8 Марта. Сборник — 8-е марта 1925 года — 8-е марта 1926 года. Сборник циркулярных распоряжений и постановлений по работе среди работниц и крестьянок, партийных, советских, профессиональных и кооперативных органов на 1925 г. М., 1925. 38 с.

Крупская 1928 — Крупская Н. К. «8 Марта» международный женский день. М., 1928. 16 с.

Ленин 1924 — Ленин В. И. К «8 Марта». М.: Отдел работниц ЦКРКП, 1924. 24 с.

Россиянки до сих пор 2018 — Россиянки до сих пор выполняют основную часть работы по дому // Ромир. 2018. <https://romir.ru/press/ria-novosti---rossiyanki-do-sih-por-vypolnyayut-osnovnye-chast-raboty-po-domu> (дата обращения: 15.07.2024).

Шамурина 1926 — Шамурина З. 8-ое марта. Международный женский день. М.-Л.: Библиотечка «Долой неграмотность», 1926. 66 с.

Научная литература

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л.: Наука, 1988. 277 с.

Богдашина И. В. Семейный и домашний быт горожанок Сталинграда/Волгограда: содержание и динамика перемен (1950—1960-е гг.): дис. ... канд. ист. наук / Институт истории и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2022. 440 с.

Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. 158 с.

Васеха М. В. День Ивана Купалы в Новосибирске: праздник между «городом» и «деревней» // Вестник антропологии. 2022. № 1. С. 70–83. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-1/70-83>

Васеха М. В. Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири): дис. ... канд. ист. наук / Институт истории и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2015. 245 с.

Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 278 с.

Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива. Пг., 1915. Вып 2. 988 с.

Фогель А. «8 Марта» в городе и деревне. М.-Л., 1928. 68 с.

Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Часть 2. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. 268 с.

Фурсова Е. Ф. Семицко-Троицкие обычаи и обряды восточных славян Приобья второй половины XIX — 30-х годов XX в. // Этнографическое обозрение. 1998а. № 3. С. 35 — 48.

Фурсова Е. Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998б. С. 97—128.

References

Bernshtam, T. A. 1988. *Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX — nachala XX v.* [Youth in the Ritual Life of the Russian Community in the 19th — early 20th Centuries]. Leningrad: Nauka. 277 p.

Bogdashina, I. V. 2022. *Semeinyi i domashnii byt gorozhanok Stalingrada/Volgograda: soderzhanie i dinamika peremen (1950—1960-e gg.)* [Family and Domestic Life of City Women of Stalingrad/Volgograd: Content and Dynamics of Changes (1950—1960s)]. Ph.D. diss., Institut etnologii i antropologii imeni N. N. Mikluho-Maklaya RAN. 440 p.

Bolonev, F. F. 1978. *Narodnyi kalendar' semeiskikh Zabaikal'ia (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)*. [Folk Calendar of the Semeiskie People of Transbaikalia (second half of the 19th — early 20th century)]. Novosibirsk: Nauka. 158 p.

Fogel', A. 1928. «8 Marta» v gorode i derevne [March, 8 in the City and Village]. Moscow; Leningrad. 68 p.

Fursova, E. F. 2003. *Kalendarnye obychai i obriady vostochnoslavianskikh narodov Novosibirskoi oblasti* [Calendar Customs and Rites of the East Slavic Peoples of the Novosibirsk Region]. Part 2. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. 268 p.

Fursova, E. F. 1998. Semitsko-Troitskie obychai i obriady vostochnykh slavjan Priob'ia vtoroi poloviny — 30-h godov XX v. [Semitsko-Troitsky Customs and Rites of the Eastern Slavs of the Ob Region in the Second Half of the 19th — 1930th]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 35—48.

Fursova, E. F. 1998. Traditsii obrabotki l'na u vostochnykh slavjan Verkhnego Priob'ia [Flax Processing Traditions Among the Eastern Slavs of the Upper Ob Region]. In *Russkie Sibiri: kul'tura, obychai, obryady* [Russians of Siberia: Culture, Customs, Rituals], ed. by I. N. Gemuev. Novosibirsk. 97—128.

Gromyko, M. M. 1986. *Traditsionnye normy povedeniiia i formy obshcheniia russkikh krest'ian XIX v.* [Traditional Norms of Behavior and Forms of Communication of Russian Peasants in the 19th Century]. Moscow: Nauka. 278 p.

Vasekha, M. V. 2022. Den' Ivana Kupaly v Novosibirске: prazdnik mezhdju «gorodom» i «derevnei» [Ivan Kupala Day in Novosibirsk: A Holiday Between “Urban” and “Rural”]. *Vestnik antropologii* 1: 70—83. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-1/70-83>

Vasekha, M. V. 2015. *Russkaia krest'ianka v sem'ei i obshchestvennoi zhizni 1920-kh gg. (po materialam iuga Zapadnoi Sibiri)* [Russian Peasant Woman in the Family and Public Life of the 1920th (Based on Materials from the South of Western Siberia)]. Ph.D. diss., Institut etnologii i antropologii imeni N. N. Mikluho-Maklaya RAN. 245 p.

Zelenin, D. K. 1915. *Opisanie rukopisei Uchenogo arkhiva* [Description of the Manuscripts of the Scientific Archive]. Vol. 2. Saint Petersburg. 988 p.